

DOI 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-166-177
УДК 325.1:39

Николай Иванович Стеблин-Каменский

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2040-530X
E-mail: skni@kunstkamera.ru

**Потеряв юношей, проводив девушек:
«жертвы» и «герои» эфиопской трудовой миграции
в страны Персидского залива**

АННОТАЦИЯ. Начиная с 1989 г. жители Эфиопии все чаще становились мигрантами в странах Ближнего Востока. Наибольшей популярности это направление миграции достигло в 2011 г., когда десятки тысяч жителей сельской Эфиопии отправлялись на заработки в страны Персидского залива. Особенность трудового законодательства принимающих стран привела к достаточно четкому разделению «мужской» и «женской» миграции. Статья является попыткой проблематизировать язык обсуждения «мужской» и «женской» миграции из Эфиопии. Она возникла из противоречия опыта личной полевой работы автора в отправляющем регионе Волло и анализа научных статей и докладов о миграции различных НКО. Представлена попытка рассмотреть женскую и мужскую миграцию вместе, делая акцент не на особенностях «мужского» и «женского» пути, а на их сходстве. Сама возможность такого взгляда призвана поставить под сомнение исключительность оптики гендерной дискриминации, описывающей женскую миграцию сугубо как результат давления «мужского» общества. Через акцент на социальных отношениях в отправляющем сообществе автор стремится преодолеть и другую тенденцию: изображение мигрантов обоего пола жертвами обмана, траффинга и неосведомленности. Автор показывает, что виктимизация в исследованиях миграции проблематична не только в отрицании агентности, как уже отмечали многие исследователи, но и в том, кого она косвенно изображает виновником сложившейся ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трудовая миграция, антропология миграции, гендерные исследования, виктимизация, Эфиопия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Стеблин-Каменский Н. И. Потеряв юношей, проводив девушек: «жертвы» и «герои» эфиопской трудовой миграции в страны Персидского залива. *Кунсткамера*. 2022. 2(16): 166–177. doi 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-166-177

Nikolay Steblin-Kamensky

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2040-530X
skni@kunstkamera.ru

**Losing Boys, Seeing off Girls:
“Victims” and “Heroes” of Ethiopian Labour Migration
to the Persian Gulf**

ABSTRACT. Since 1989, Ethiopians have increasingly migrated to the Middle East. This direction of migration reached its highest popularity in 2011, when tens of thousands of rural Ethiopians went for work to the Persian Gulf countries. The peculiarity of the labor legislation of the host countries has led to a clear separation of “male” and “female” migration. The article is an attempt to problematize the language of discussion of “male” and “female” migration from Ethiopia. It arose from the contradiction between my personal field work experience in Wollo region and reading scientific articles and reports on migration by various NGOs. By focusing on a sending community and covering both female and male experiences, it attempts to dispute two common assumptions in migration research. First, the idea that female migration (contrary to male migration) results from pressure and gender discrimination. Second, the tendency to victimize migrants of both sexes as being deceived and trafficked. I attempt to show, that victimization is problematic not only in the way it deals with human agency, which have been noted by many scholars, but also in its often obscured but inherent accusation of certain agents.

KEYWORDS: Labour migration, anthropology of migration, gender studies, victimization, Ethiopia

FOR CITATION: Steblin-Kamensky N. Losing Boys, Seeing off Girls: “Victims” and “Heroes” of Ethiopian Labour Migration to the Persian Gulf. *Kunstkamera*. 2022. 2(16): 166–177. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-166-177

ВВЕДЕНИЕ

Трудовая миграция из эфиопского региона Волло в страны Персидского залива достаточно четко разделяется на «мужскую» и «женскую» — два пути, которые различаются по процессу отъезда, типу трудоустройства и доходу. Ключевая причина такого разделения заключена в самом устройстве рынков труда принимающих стран Залива: в то время как для женщин есть возможность устроиться по контракту домработницами и прибыть в страну на самолете, мужчины в подавляющем большинстве вынуждены полагаться на нелегальное пересечение границ и трудоустройство. Два варианта пути порождают свои корпуса исследовательских текстов, где фокусом становится либо женская миграция, либо нелегальная дорога через Красное море. Статья пробует преодолеть эту дихотомию, и через фокус на отправляющем обществе представить миграцию одной из ряда стратегий, через которую молодые люди реализуют себя в контексте своего общества.

Несмотря на новизну феномена транснациональной трудовой миграции для Эфиопии, можно заметить ее преемственность от форм мобильности, практиковавшихся в Волло ранее. Например, реакция населения на голод или участие в государственной программе переселения (Стеблин-Каменский 2017). Эта перспектива, равно как и настоящая попытка описать локальный смысл миграции, стремятся противостоять образу мигранта как жертвы, который стал общим местом в исследованиях эфиопской миграции. Я пробую показать, что критика виктимизации (Fernandez 2014; Grabska et al. 2018; Mahdavi, Sargent 2011), которая, как правило, говорит о неправомерном игнорировании агентности мигрантов, упускает эмоциональную загруженность, имплицитно присутствующую в правозащитной риторике. Именно непроговоренная эмоциональность, на мой взгляд, и создает необходимость искать выход в виктимизации, которая не только конструирует образ мигранта-жертвы, но и обозначает виновников сложившейся ситуации в лице патриархального общества и посредников-траффикеров (Anteneh 2011; Dessiye 2011), негативное влияние которых парадоксальным образом остается незамеченным в самом отправляющем сообществе.

Статья основана на материалах полевых исследований, проведенных в регионе Волло, в округе Хабру взрэда и в городе Дэссе. Хабру взрэда выбран как местность, сильнее всего вовлеченная в транснациональную трудовую миграцию. Данные 2012 г. одного из поселений Хабру взрэда показывали, что 32 % его населения уехали (Стеблин-Каменский 2014). Полевые исследования проводились с января по апрель 2014 и с ноября по январь 2016 г. Короткий визит, который позволил отследить судьбы некоторых информантов, был также осуществлен в октябре 2018 г. С конца 2014 г. Эфиопия стала осуществлять политику контроля миграции, и число мигрантов (как мужчин так и женщин) резко снизилось. В статье я использую настоящее время, но собранные материалы отражают ситуацию, характерную для 2011–2014 гг. Моими информантами были родственники мигрантов, депортированные мигранты, местные чиновники и школьные учителя.

В начале статьи дается краткая характеристика трудовой миграции из Эфиопии в страны Залива, затем описываются два варианта пути, в последней части я привожу несколько кейсов, в свете которых интерпретирую проблему «принуждения» и «осведомленности» девушек и юношей из Волло.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В СТРАНЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА ИЗ ЭФИОПИИ

Многие авторы связывают начало трудовой миграции в страны Залива со сменой политического режима в Эфиопии в 1991 г., когда социалистическое правительство Менгисту Хайле Мариама сдалось под натиском повстанческих армий севера Эфиопии (см., например: Dessiye 2011; deRegt 2010; Kebede 2002; Fernandez 2011). Также существует мнение, что с 1991 г. начался второй период миграции, тогда как сама практика начала формироваться уже с 1980-х годов, когда под предлогом паломничества в Саудовскую Аравию приезжали на подработку мусульмане из эфиопских городов (Kefale, Mohammed 2016). С 1989 г. эфиопские мигранты начинают появляться

в Ливане (Beydoun 2006). Со сменой политического режима в 1991 г., когда передвижение граждан по стране и выезд за границу перестал сдерживаться государством, трудовая миграция в арабские страны стала заметным явлением, которое касалось уже не только мусульман. Если следовать периодизации, предложенной Кафале Аснаке и Мухаммедом Зарихун, то этот второй период длился с 1991 по 1998 г. и характеризовался абсолютным отсутствием государственной политики по урегулированию эмиграции.

Самым важным для моего исследования является третий период с 1998 по 2014 г., когда трудовая миграция в страны Залива перестает быть прерогативой городов и начинает распространяться в сельской местности (Kefale, Mohammed 2016: 6). Регион Волло, в котором проходило мое исследование, стал одним из самых значимых источников трудовых мигрантов именно в это время. Важная веха в этом периоде — конфликт между Саудовской Аравией, с одной стороны, и Филиппинами и Индонезией — с другой, который произошел летом 2011 г. Обе страны запретили въезд своих граждан в Саудовскую Аравию и потребовали пересмотра базовых условий контракта, который заключался между трудовыми мигрантами и работодателями (Saudi Arabia Bans Domestic 2011). Однако вместо пересмотра соглашений с Индонезией и Филиппинами Саудовская Аравия обратилась к Эфиопии, чтобы восполнить недостаток рабочей силы (речь шла о 40 000 контрактов) (Saudis Turn to Ethiopian Maids 2013). Все больше и больше мигрантами становились жители сельской местности, у которых часто могло не быть даже опыта обращения с электроприборами, не говоря уже о какой-то профессиональной подготовке. В 2012–2013 гг. ежемесячно по контракту в арабские страны уезжали работать от 35 до 45 тысяч мигрантов, преимущественно женщин. Число тех, кто приезжал в страны Залива нелегально через Красное море, можно оценить только приблизительно. Согласно отчетам Regional Mixed Migration Secretariat¹ (далее RMMS), в 2012–2013 гг. к берегам Йемена через Красное море или через Аденский залив ежемесячно приезжало около 5700 граждан Эфиопии, но, скорее всего, реальное число выше. Приблизительно, 84 % мигрантов, прибывавших этим путем, — мужчины, но это общее число для мигрантов из всех стран Африканского рога (Abused and Abducted 2014). Можно предположить, что статистика по Эфиопии дала бы меньшее число женщин, так как практика миграции семьями больше распространена в соседних странах, граждане которых могут рассчитывать на получение статуса беженцев (Сомали, Эритрея).

Трудовая миграция из Эфиопии в страны Залива имела разную интенсивность в разные годы. На ее динамике сказывались массовые кампании по депортации нелегальных мигрантов из Саудовской Аравии (ноябрь 2014 г., март 2017 г.), запрет на работу частных агентств по трудоустройству, который правительство Эфиопии держало четыре года с января 2014 до 2018 г., меры борьбы с нелегальными посредниками и агитация против миграции. Внимание эфиопских СМИ к этой теме также можно назвать волнообразным, но стабильным остается их фокус на бедствиях мигрантов и насилии над ними, как и порицание самой идеи выезда из страны.

Средний профайл мигранта для Хабру вэреда дать достаточно трудно, так как формальная регистрация неотделима от государственного контроля, который вынуждает мигрантов (по крайней мере тех, кто мигрирует по контракту) завышать свой возраст, так как до 21 года работа по контракту запрещена². Потенциальных мигрантов в страны Залива часто относят к возрастной группе 18–30 лет, но мой полевой опыт показывает, что потенциальными мигрантами являются и дети от 14 лет. Данные по группе из 255 депортированных мигрантов (январь 2014 г.) показали почти равное количество мужчин и женщин (51 и 49 %), средний возраст для обеих групп оказался около 28 лет (см. табл.). В этой выборке надо учитывать, что некоторая часть мигрантов уже провела какое-то время в Саудовской Аравии до депортации.

¹ Отчеты доступны по адресу: URL: <https://mixedmigration.org/resources/> (дата обращения: 22.02.2022).

² В паспорте одной из моих информанток возраст был завышен с большим запасом: на 9 лет (25 вместо 16), и вместо ее настоящего имени, показывающего в ней христианку, было указано арабское. Хотя само получение паспорта представляло бюрократическую трудность, у меня сложилось впечатление, что правдоподобность заполняемых данных почти никак не контролируется.

ДОРОГА ЧЕРЕЗ КРАСНОЕ МОРЕ

Жители Хабру вэрэда называют этот вариант миграции путем «через море» በህር/bābahṛ, или «нелегальным» አግግጥ/həgwät. Он распространен среди тех, кто не может получить легальное трудоустройство и поехать по контракту, что делает его по преимуществу мужским. Изображения дороги, предполагающей долгие пешие переходы и опасную переправу через море, стали эмблемой трудовой миграции из Эфиопии вообще. Особенное распространение морской путь получил после 2006 г., когда Саудовская Аравия ограничила выдачу паломнических виз для Эфиопии — в прошлом самый популярный вариант миграции как среди мусульман, так и среди христиан, которые ради миграции принимали или делали вид, что принимают, ислам. Под дорогой «через море» могут скрываться достаточно различные опыты: кто-то проделывал весь путь пешком, кто-то проезжал часть на машине. В одно время чаще переправлялись через побережье Сомали, в другое — через Джибути. Опыт, описанный ниже, следует считать лишь частным случаем, а имеющиеся в нем обобщения, — субъективной оценкой и примером того, какие истории циркулируют в отравляющем сообществе.

Мы платили посреднику 4000 быр (~200 usd), что покрывало дорогу до берега Йемена. Из Мерса мы ехали в Бишефту, там ждали три-четыре дня, а потом шли шесть дней пешком по пустынной местности. С нами шел один посредник из народа афар. Ну, даже если ты знаешь дорогу, без посредника не дадут идти. Дорога очень тяжелая, у каждого три литра воды на весь переход и два килограмма жареного ячменя. Кажется, из 300-400 человек доходит только треть. Когда шли мы, я насчитал 35 покойников. Правда, в Джибути большая группа распалась на несколько, так что точно сказать не могу. В любом случае не все доходят. Умирают даже до пешего перехода от голода, жажды или от усталости. Женщины тоже идут, но немного. На сто человек может быть три или четыре. Бывает, посредники их насилуют. Ничего сделать нельзя, убьют. В Йемене, как только мы сошли на берег, нас силой посадили в машины и отвезли в место, где вымогали деньги. Если не даешь деньги, они бьют и говорят звонить родственникам. Если говоришь, что родственников нет, снова бьют — тогда ты даешь им номер. Сейчас требуют 10 000 быр (~520 usd), а раньше было дешевле, 3–4 тысячи. Потом можешь идти, куда хочешь. Дорога до Саудовской Аравии занимает около месяца, по дороге, чтобы себя прокормить, надо работать, например, пасти скот (г. Мерса, из общения в фокус-группе. 31.01.2014).

Жители Хабру вэрэда характеризуют этот вариант как более дешевый и быстрый, но, согласно докладу RMMS, это далеко не всегда так: зачастую мигранты проводят долгие месяцы в пути и сталкиваются с разного рода непредвиденными расходами (Abused and Abducted 2014: 43). Реальные риски оценить сложно, а в разговорах (и в эфиопских СМИ) заметна тенденция заострять внимание на насилии и проблемах, с которыми мигранты могут столкнуться во время миграции «через море».

Характерная черта варианта дороги через море в том, что его инициация является проявлением сугубо личной воли, по крайней мере открыто семья в этом не участвует. Часто молодые люди сговариваются и уходят из деревни ночью, никого не предупредив. Тайный уход из дома настолько распространен, что в Хабру вэрэда вариант миграции через Красное море часто называют «пропаданием». Как правило, первый переход молодые люди оплачивали из собственных средств и обращались к помощи родителей, только достигнув Джибути, чтобы попросить деньги на переправу, когда уже, как считается, слишком поздно уговаривать их вернуться. В относительной автономности этого варианта миграции можно увидеть черты мужской мобильности в амхарском обществе, где взрослеющий мужчина отделяется от семьи, его задача — добиваться самостоятельности, а не поддерживать родителей. Ниже я покажу, почему эту интерпретацию нельзя возводить в правило, но пока замечу, что у такого тайного ухода юношей есть исторические прецеденты. Например, об амбиционной программе переселения, которую социалистическое правительство Дерга проводило

в середине 1980-х годов в качестве меры против голода, Алюля Панкхарст пишет: «Многие уходили, не предупреждая родителей. Обычно это выражалось словами “я пропал”, т. е. спрятался и ушел. Секретность объяснялась тем, что родители не одобрили бы уход. <...> Вынде рассказывал: “Я никому не сказал, я вышел ночью, когда меня никто не видел, я отодвинул доски и протиснулся сквозь стену, чтобы не скрипеть дверью”» (Pankhurst 1992: 93). Еще один вариант тайного ухода можно увидеть в практике, когда крестьянские юноши покидали свои семьи, чтобы стать учениками церковных школ вопреки воле родителей. Художественно ярко этот сценарий описан в историческом ромне Хивот Тэффера «Mine to win» (Teffera 2016).

Тайный уход молодых людей, желающих попытать удачу в арабских странах, становится загадкой для внешнего наблюдателя, который часто сталкивается с утверждением, что родители только того и хотят, чтобы их дети уехали. Например, глава администрации одного поселка сообщила мне: «Люди что видят? Деньги! А страдания своих детей не видят. А дети, когда едут, страдают, их избивают, убивают, в море бросают — этого родители не видят. Они только деньги хотят. Понял, да?» Парадокс заключается в том, что если считать тайную миграцию молодых людей через Красное море индивидуальной инициативой, почему в разговорах часто возникает тема желаний родителей? А если дети выполняют их волю, почему это делается тайно? Этот вопрос важен, так как показывает, что проблемной является не только женская агентность в миграции, которую часто видят подчиненной интересам патриархального общества, но и мужская.

МИГРАЦИЯ ПО КОНТРАКТУ

Миграция по контракту также иногда называется миграцией с перелетом (በአየር /bä'ayär) или законной миграцией (በሕግ /bähög). Этот вариант стал возможен в 1998 г., когда появился институт частных агентств по найму. Законодательство приписывало им обязательство перекладывать все расходы на принимающую сторону, но на деле это едва ли когда-то соблюдалось (Kebede 2002: 22). В действительности, кроме расходов на получение паспорта и медицинских сертификатов, мигранты часто оплачивают и саму услугу посредников (Fernandez 2010: 252). В Хабру вэрэда стоимость контрактной миграции, как правило, была в два-три раза выше, чем примерная стоимость миграции через море. Другая особенность в том, что подготовка длится дольше и требует разъездов (для получения паспорта и медицинского сертификата).

Контрактная работа — это, как правило, работа по дому — горничной, няней, поваром. В ряде стран Залива до сих пор действует система кафалия, которая делает работодателей единственными правомерными представителями мигрантов перед государством. Эта система дает работодателям большую власть над мигрантами, что часто приводит к злоупотреблениям. Легальное трудоустройство может считаться более опасным и менее стабильным, чем нелегальное. П. Махдави и М. де Регт объясняют это тем, что в нелегальном трудоустройстве мигранты, хотя и попадают в уязвимое состояние перед законом, могут полагаться на неформальные сети поддержки и свободно менять место работы, тогда как узаконенные домработницы часто ограничены в своей коммуникации и передвижениях. Более того, не существует института, который мог бы контролировать их условия труда, и даже для отъезда из страны требуется разрешение работодателя (deRegt 2010; Mahdavi 2011).

Одна из особенностей работы по контракту в том, что она доступна только для мусульман. Для христиан из Хабру вэрэда это не является препятствием, что можно объяснить достаточно легким отношением к переключению между конфессиями, свойственному большей части региона Волло (Kalklachew 1997). В Хабру вэрэда нередко можно встретить людей, менявших свое вероисповедание (между исламом и христианством) два или даже три раза. Одной из частых причин является брак (при этом нет правила, что преобладать будет конфессия мужа), но нередки и другие причины.

Расходы и более сложная подготовка исключают возможность спонтанного или тайного отъезда. Миграция по контракту изначально семейное дело. Для покрытия расходов родственни-

ки девушки нередко продают какую-то собственность: рогатый скот, лес. Или берут деньги в долг, кредиторы Хабру вэрэда дают деньги под стопроцентный интерес. Первые доходы от миграции обычно идут на покрытие этих долгов.

Проводы мигранта-девушки предполагают проведение ритуала *дуа* (ዱላ) или *вэдаджа* (ወዳጅ)³. Для этого приглашаются взрослые и пожилые мужчины, имеющие хорошую репутацию. Для них готовится угощение, листья ката⁴, кофе. Они садятся полукругом и по очереди речитативом проносят благословения. Остальные участники в конце каждой фразы говорят «аминь». В некотором роде *дуа* является и состязанием в красноречии, так как благословения должны соответствовать определенной ситуации: *дуа* проводят, когда кто-то болеет, во время свадеб и в другие важные моменты, требующие поддержки высших сил. Мне не довелось увидеть *дуа*, которую делают перед отъездом, но вот как описывает важность этого ритуала одна из жительниц Хабру вэрэда:

Перед тем как ехать, приглашают важных людей и просят их помолиться, чтобы попался спокойный человек, спокойный араб, чтобы не издевался, чтобы спать давал, чтобы работа была в удовольствие, без унижения — они молятся об этом. Бывает, правда, что старейшины не молятся по-настоящему, просто пьют, едят, дуют ей⁵ и уходят. А ей потом попадается мерзкий араб, халас! Дает непосильную работу. Она возвращается домой, не выплатив долг, и занимается здесь производством браги, которую продает по два-три быра, чтобы вернуть деньги (Фатума, 24 г., деревня Кулле)

Дуа превращает женскую миграцию не просто в семейное дело, но и в общественное, так как, как видно из этого отрывка, все люди, принимавшие в ней участие, несут свою долю ответственности за удачный исход миграции. Фатума, которая рассказала мне про *дуа*, предприняла неудачную попытку уехать через море (до этого она работала в Судане, где зарплаты были слишком низкие). Убитая горем мать организовала *дуа*, чтобы молиться о ее благополучном возвращении. Поступок Фатумы не совсем типичный, и в Кулле о ней говорили как о решительной девушке.

ПРИНУЖДЕНИЕ, ЖЕРТВЕННОСТЬ, СТАТУС

Опыт миграции юношей и девушек из Хабру вэрэда, кажется, почти ни в чем не пересекается. Подготовка, дорога, опыт работы — все оказывается специфичным для мужской и женской миграции. Несмотря на очевидную связь этой ситуации с условиями принимающего рынка, в ней можно увидеть и проявление гендерной социализации. Например, информанты Джонэса замечали, что эффективность женской миграции хорошо ложится на местные представления о том, что женщины более послушны и больше пекутся о своей родине (Jones et al. 2014). Авторы работы «Ethiopian Labour Migration to the Gulf and South Africa» также описывают женскую миграцию как проявление патриархальной системы, в которой девушка-мигрантка ничего не получает для себя и является жертвой (Kefale, Mohammed 2016: 55–56). Они приводят рассказы о мужьях, которые, получая деньги от своих работающих за границей жен, ведут разгульный образ жизни и заводят новые семьи. Такие истории приходилось слышать и мне, но их, на мой взгляд следует понимать как социальное порицание, а не как одобряемую практику. Один случай, о котором мне рассказала сама девушка-мигрантка, муж которой завел новую семью, закончился тем, что традиционный суд постановил бывшему мужу выплатить ей компенсацию.

³ Слово *дуа* происходит от арабского *duʿāʾ* الدُّعَاءُ и означает «молитва». Происхождение слова *вэдаджа* более туманно, но, возможно, оно связано с корнем *wāddāda* — «любить», *wādaj* — «друг». А. Гори сообщает, что за ним могут скрываться достаточно разные практики (Gori 2014). В Хабру вэрэда оба термина описывают одинаковое действие, проводимое либо мусульманами (*дуа*), либо христианами (*вэдаджа*).

⁴ Кат — кустарник из семейства Бересклетовые, листья которого обладают легким наркотическим свойством из-за присутствующих в них катинонов и катинов. Об их употреблении в Эфиопии см., например: (Семенова 2015).

⁵ Здесь идет речь о ритуализированном плевке или резком выдохе, которым благословляющий заканчивает перечисление своих пожеланий.

Классические работы по амхарскому обществу рутинно описывают его как патриархальное. Мессиг, например, показывает, как антропонимическая система закладывает идею заботы о родителях и семье в женские имена, тогда как мужские чаще намекают на храбрость и воинственность (Messing 1974). Однако часто сама отсылка к патриархату становится своего рода ярлыком, обозначающим отсталость общества и соответственно дистанцию, которая отделяет его от «цивилизованного мира». Интересная попытка осмысления эфиопской иерархии, не отрицающая проявлений насилия, но и отдающее должное ее локальной интерпретации, содержится в статье «Vertical Love: Forms of Submission and Top-Down Power in Orthodox Ethiopia» (Malara, Boylston 2016). Авторы замечают, что в той же степени, в какой иерархия подразумевает насилие и подчинение, она строится на представлениях о покровительстве и любви, иначе система не могла бы быть жизнеспособной. Эта идея позволяет интерпретировать и участие молодых людей в трудовой миграции, где идея о «принуждении», несмотря на ее широкое распространение, не может адекватно описать происходящее.

Желание молодых людей (и мужчин, и женщин) мигрировать — это исходная данность, которую невозможно игнорировать. Даже учитывая то, что свидетельства о принуждении не будут выставляться наружу, тем более перед антропологом-иностранцем, общение с молодежью в Хабру вэрэда позволяет считать, что большинство молодых людей видят миграцию как желанную стратегию. В одном случае девушка, которая взялась быть моим проводником в деревне, говорила, что она не хочет мигрировать из-за любви к родному краю и занятий в воскресной школе. В разговор вторглась ее мать, сама скептически настроенная к миграции, заметив: «Зачем тогда мы делали тебе паспорт?» Моя проводница раньше сама уговорила родителей сделать ей паспорт, так как хотела мигрировать, но потом передумала. Мать язвительно напомнила ей об этом, когда услышала, как дочка строит из себя «патриотку». Случаи, когда миграцию инициируют сами девушки, нередки, и необходимость участия в подготовке более широкого круга людей может оказаться препятствием. Мне рассказывали, что дочь грозила родителям принять яд, если они не организуют ее поездку.

Я думаю, что отчасти справедливо интерпретировать желание стать мигрантом в духе проявления агентности как подчинение высшим моральным идеалам (Mahmood 2011): уезжая за границу, девушки часто действительно меняют уровень жизни своих близких, и в этом можно увидеть нравственную жертву как вариант самореализации. Об этом говорят и авторы «Adolescent Girls' Migration in The Global South: Transitions into Adulthood», замечая, как девушка-мигрантка с гордостью демонстрирует фотографию брата, закончившего школу благодаря ее помощи (Grabska et al. 2018: 226). Но такую интерпретацию нельзя считать единственной. Миграция в страны Залива, несмотря на ее ужасающие риски, удовлетворяет и личные интересы: причастность к ценностям современного мира, одежде, технологиям, развлечениям. Неслучайно ее результатом становится не просто обогащение, но и изменение поведения, например, нежелание жить в деревне и заниматься сельским хозяйством. Также интересно отметить, что материальные блага, несмотря на направление миграции, почти никогда не несут в себе мусульманского следа даже среди мусульман. Другими словами, покупка брендовых вещей скорее отражает желание причастности к глобальному миру, чем культурное влияние арабских стран.

В разговоре с мигрантами почти всегда можно услышать мотив помощи семье. Но, к моему удивлению, многие молодые люди не согласились с утверждением, что они должны помогать родителям. В этом отрицании модальности долга можно увидеть подтверждение идеи Маляра и Бойлстона о том, что иерархия строится не только на принуждении, но и на этосе покровительства и любви. Проиллюстрировать это можно следующим примером. Семья, в которой я жил в Волло, получила передачу от сына, уехавшего работать в город: духи для мамы и электробритву для отца — подарки, которые никак нельзя отнести к разряду вещей первой необходимости, в которых видна заявка на роскошь. Но отец при этом внимательно изучил и бритву, и духи, а затем передал их для оценки мне — не списанный ли это товар с вышедшим сроком годности? Вся суть дара

будто и заключалась в том, чтобы установить место сына в семье: кто он, уже покровитель (каким, видимо, он сам хочет быть) или сам нуждающийся (признаки чего искал в подарках его отец). Реальное положение дел сына едва ли может быть предметом открытого разговора. Другими словами, исследования эфиопской миграции склонны вкладывать слишком прямой смысл в понятие «помощь семье» и недооценивать значение личного статуса, неотъемлемой частью которого является способность быть покровителем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нет сомнений в том, что женский опыт миграции отличается от мужского не только дорогой и условиями работы, но и тем, какие в обществе есть гендерные ожидания. Однако исследования женской миграции нередко создают картину эфиопского общества, где «глубоко укорененные практики гендерной дискриминации поощряют женскую миграцию и траффинг женщин воспринимается как морально допустимый» (Abused and Abducted 2014: 31). Проблема этого взгляда в том, что озабоченность положением женщин в нем неотделима от морального превосходства перед обществом, к которому эти женщины принадлежат. Опыт полевой работы в Хабру вэрэда не дает мне возможности сказать, что женщины проявляют меньше желания принять участие в миграции, чем мужчины, равно как и трудно было бы утверждать, что мужчины лишены чувства ответственности перед семьей и легче переживают неудачную миграцию.

Тема трудовой миграции, особенно когда исследователи касаются нелегальной дороги и работы за границей, предполагает работу с чрезвычайно эмоциональным материалом, но наши эпистемологические предпосылки препятствуют проговариванию этих эмоций. Между тем можно предположить, что виктимизация является естественной реакцией исследователя, желанием обозначить, «кто виноват» в сложившемся положении вещей. Будь это патриархат, траффинг или наивность/неосведомленность самих мигрантах — все эти причины находятся в сфере отправляющего сообщества, и лишь немногие авторы говорят здесь о проблеме глобального неравенства. Между тем, если мы увидим в траффикере не преступника, а помощника⁶ и признаем осведомленность об опасностях пути самих мигрантов⁷, мы должны будем сформировать образ мигранта, который не будет ни жертвой, ни героем, а прежде всего нашим современником, принимающим решения в ситуации гигантского экономического разрыва между странами Глобального Севера и Глобального Юга.

Т а б л и ц а

Распределение по возрасту из 255 мигрантов, депортированных из Саудовской Аравии и вернувшихся в свой регион (январь 2014)

Table

Age distribution of 255 returnees from Suaid who have returned to their home region

Возрастная группа	Распределение по возрастным группам, %	
	для мужчин	для женщин
<20	1,5	2,5
20–25	40	37,7
25–30	24,6	37,7
30–40	23	17,2
40<	10,8	4,9

⁶ О том, как моральная оценка роли «траффикера» внешним наблюдателем может конфликтовать с представлением изнутри, см.: (Osella, Osella 2011). Даже прямой обман не исключает благодарных чувств посреднику, оказавшему помощь в миграции.

⁷ Пример осведомленности можно увидеть в исследовании «Abused and Abducted: the plight of female migrants from the Horn of Africa in Yemen». Несмотря на то что его авторы частично нивелируют женскую агентность, используя понятие «smuggled», они предоставляют данные, что 59 % женщин, нелегально прибывавших в Йемен через Красное море, брали с собой средства контрацепции, предполагая возможность изнасилования (Abused and Abducted 2014: 48).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Семенова В. Н. Чат (лат. *Catha edulis*) в социальной и культурной жизни Харара (Юго-Восточная Эфиопия): общие замечания и полевые наблюдения // Маклаевский сборник. Вып. 5: Бетель, кава, кола, чат: жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 157–174.
- Стеблин-Каменский Н. И. Антропонимика Северного Волло (Эфиопия) // Антропология и лингвистика: материалы петербургских экспедиций в Африку. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 30–47.
- Стеблин-Каменский Н. И. Бегство, переселение, миграция: вынужденная мобильность в прошлом и настоящем провинции Волло (Эфиопия) // Африканский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 326–336.
- Abused and Abducted: The Plight of Female Migrants from the Horn of Africa in Yemen. Regional Mixed Migration Secretariat 2014. URL: <https://mixedmigration.org/resource/abused-abducted/> (дата обращения: 29.10.2021).
- Anteneh A. Trafficking in Persons Overseas for Labour Purposes: The Case of Ethiopian Domestic Workers. Swiss: ILO, 2011.
- Beydoun K. A. Trafficking of Ethiopian Domestic Workers into Lebanon: Navigating through a Novel Passage of the International Maid Trade // Berkeley Journal of International Law. 2006. No. 24. P. 1009–1045.
- deRegt M. Ways to Come, Ways to Leave Gender, Mobility, and Illegality Among Ethiopian Domestic Workers in Yemen // Gender & Society. 2010. Vol. 24, no. 2. P. 237–260.
- Dessiyè M. The Challenges and Prospects of Female Labour Migration to the Arab Middle East: A Case Study of Women Returnees in the Town of Girana, North Wollo, Ethiopia. MA Thesis, University of Bergen, Department of Health Promotion and Development. 2011.
- Fernandez B. Cheap and Disposable? The Impact of the Global Economic Crisis on the Migration of Ethiopian Women Domestic Workers to the Gulf // Gender & Development. 2010. No. 2 (18). P. 249–262.
- Fernandez B. Household Help? Ethiopian Women Domestic Workers Labor Migration to the Gulf Countries // Asian and Pacific Migration Journal. 2011. No. 20 (3–4). P. 433–458.
- Fernandez B. Degrees of (Un)Freedom: The Exercise of Agency by Ethiopian Migrant Domestic Workers in Kuwait and Lebanon // Migrant Domestic Workers in the Middle East: The Home and the World. UK: Palgrave Macmillan, 2014. P. 51–74.
- Gori A. Wädaga // Encyclopaedia Aethiopia Vol. 5. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014. P. 548–549.
- Grabska K., Marina de R., Nicoletta D. F. Adolescent Girls' Migration in The Global South: Transitions into Adulthood. NY: Palgrave Macmillan, 2018.
- Jones N., Presler-Marshall E., Tefera B., Emirie G., Gebre B., Gezahegne K. Rethinking Girls on the Move: The Intersection of Poverty, Exploitation, and Violence Experienced by Ethiopian Adolescents Involved in the Middle East 'Maid Trade'. UK: Overseas Development Institute, 2014.
- Kalklachew A. Religion, Rituals and Mutual Tolerance in Wollo: the Case of Kabe South West Wollo. MA thesis in social anthropology. Univesity of Addis Ababa, 1997.
- Kebede E. Ethiopia: an Assessment of the International Labour Migration Situation: the Case of Female Labour Migrants. Swits: ILO, 2002.
- Kefale A., Mohammed Z. Ethiopian Labour Migration to the Gulf and South Africa. Addis Ababa: Forum for Social Studies, 2016.
- Mahdavi P. Gridlock: Labor, Migration, and Human Trafficking in Dubai. US: Stanford University Press, 2011.
- Mahdavi P., Sargent C. Questioning the Discursive Construction of Trafficking and Forced Labor in the United Arab Emirates // Journal of Middle East Women's Studies. 2011. Vol. 7, no. 3. P. 6–35.
- Mahmood S. Politics of Piety: The Islamic Revival and the Feminist Subject. Princeton, N. J: Princeton University Press, 2011.
- Malara D. M., Boylston T. Vertical Love: Forms of Submission and Top-Down Power in Orthodox Ethiopia // Social Analysis. 2016. Vol. 60, no. 4. P. 40–57.
- Messing S. D. Individualistic Patterns in Amhara Onomastics // Ethos. 1974. Vol. 2, no. 1. P. 77–94.
- Osella C., Osella F. Migration, Networks, and Connectedness Across the Indian Ocean // Migrant Labour in the Persian Gulf. UK: Hurst & Company, 2011. P. 105–136.
- Pankhurst A. Resettlement and Famine in Ethiopia: the Villagers' Experience. UK: Manchester University Press, 1992.
- Saudi Arabia Bans Domestic Workers After the Philippines Imposed Conditions for Employing their Nationals. 10.07.2011. URL: <https://sundaytimes.lk/110710/BusinessTimes/bt36.html> (дата обращения: 12.02.2021).

Saudis Turn to Ethiopian Maids After Asian Backlash. 24.01.2013. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2013-01-24/saudis-turn-to-ethiopian-maids-after-beheading-limits-supplies> (дата обращения: 12.02.2021).
Teffera H. Mine to Win. Ethiopia: Eclipse Printing, 2016.

REFERENCES

- Abused and Abducted: the Plight of Female Migrants from the Horn of Africa in Yemen.* Regional Mixed Migration Secretariat 2014. URL: <https://mixedmigration.org/resource/abused-abducted/> (accessed 29.10.2021).
- Anteneh A. *Trafficking in Persons Overseas for Labour Purposes: The Case of Ethiopian Domestic Workers.* Bern: ILO, 2011.
- Beydoun K. A. Trafficking of Ethiopian Domestic Workers into Lebanon: Navigating through a Novel Passage of the International Maid Trade. *Berkeley Journal of International Law*, 2006, no. 24, pp. 1009–1045.
- deRegt M. Ways to Come, Ways to Leave Gender, Mobility, and Illegality among Ethiopian Domestic Workers in Yemen. *Gender & Society*, 2010, no. 2 (24), pp. 237–260.
- Dessiye M. *The Challenges and Prospects of Female Labour Migration to the Arab Middle East: a Case Study of Women Returnees in the Town of Girana, North Wollo, Ethiopia.* MA Thesis, University of Bergen, Department of Health Promotion and Development, 2011.
- Fernandez B. Cheap and Disposable? The Impact of the Global Economic Crisis on the Migration of Ethiopian Women Domestic Workers to the Gulf. *Gender & Development*, 2010, no. 2 (18), pp. 249–262.
- Fernandez B. Household Help? Ethiopian Women Domestic Workers Labor Migration to the Gulf Countries. *Asian and Pacific Migration Journal*, 2011, no. 3–4 (20), pp. 433–458.
- Fernandez B. Degrees of (Un)Freedom: The Exercise of Agency by Ethiopian Migrant Domestic Workers in Kuwait and Lebanon. *Migrant Domestic Workers in the Middle East: The Home and the World.* UK: Palgrave Macmillan, 2014, pp. 51–74.
- Gori A. Wädaga. *Encyclopaedia Aethiopica.* Vol. 5. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014, pp. 548–549.
- Grabska K., Marina de R., Nicoletta D. F. *Adolescent Girls' Migration in The Global South: Transitions into Adulthood.* New York: Palgrave Macmillan, 2018.
- Jones N., Presler-Marshall E., Tefera B., Emirie G., Gebre B., Gezahegne K. *Rethinking Girls on the Move: The Intersection of Poverty, Exploitation, and Violence Experienced by Ethiopian Adolescents Involved in the Middle East 'Maid Trade'.* UK: Overseas Development Institute, 2014.
- Kalklachew A. *Religion, Rituals and Mutual Tolerance in Wollo: the Case of Kabe South West Wollo.* MA Thesis in social anthropology. Univesity of Addis Ababa, 1997.
- Kebede E. *Ethiopia: an Assessment of the International Labour Migration Situation: the Case of Female Labour Migrants.* Bern: ILO, 2002.
- Kefale A., Mohammed Z. *Ethiopian Labour Migration to the Gulf and South Africa.* Addis Ababa: Forum for Social Studies, 2016.
- Mahdavi P. *Gridlock: Labor, Migration, and Human Trafficking in Dubai.* US: Stanford University Press, 2011.
- Mahdavi P., Sargent C. Questioning the Discursive Construction of Trafficking and Forced Labor in the United Arab Emirates. *Journal of Middle East Women's Studies*, 2011, no. 3 (7), pp. 6–35.
- Mahmood S. *Politics of Piety: The Islamic Revival and the Feminist Subject.* Princeton, N. J: Princeton University Press, 2011.
- Malara D. M., Boylston T. Vertical Love: Forms of Submission and Top-Down Power in Orthodox Ethiopia. *Social Analysis*, 2016, no. 4 (60), pp. 40–57.
- Messing S. D. Individualistic Patterns in Amhara Onomastics. *Ethos*, 1974, no. 1 (2), pp. 77–94.
- Osella C., Osella F. Migration, Networks, and Connectedness Across the Indian Ocean. *Migrant Labour in the Persian Gulf.* UK: Hurst & Company, 2011, pp. 105–136.
- Pankhurst A. *Resettlement and Famine in Ethiopia: the Villagers' Experience.* UK: Manchester University Press, 1992.
- Semenova V. N. Chat (lat. Catha edulis) v sotsial'noi i kul'turnoi zhizni Kharara (Iugo-Vostochnaia Efiopiia): obshchie zamechaniia i polevye nabludeniia [Qhat (Catha Edulis) in Social and Cultural Life of Harar: General Notes and Field Remarks]. *Maklaevskii sbornik. Vypusk 5. Betel', kava, kola, chat: zhevatel'nye stimulatory v rituale i mifologii narodov mira* [Maclay Publications. Vol. 5 Betel, Kava, cola, chat: Chewing Stimulants in Ritual and Mythology]. St. Petersburg: MAE RAN, 2015, pp. 157–174. (In Russian)

Стеблин-Каменский Н. И. Потеряв юношей, проводив девушек...

Steblyn-Kamensky N. I. Antroponimika Severnogo Vollo (Efiopiia) [Anthroponomy of Northern Wollo]. *Antropologiya i lingvistika* [Anthropology and Linguistics: Field Materials of Scholars from St. Petersburg]. St. Petersburg: MAE RAN, 2014, pp. 30–47. (In Russian)

Steblyn-Kamensky N. I. Begstvo, Pereselenie, Migratsiia: vynuzhdennaia mobil'nost' v proshlom i nastoiashchem provintsii Vollo (Efiopiia) [Escape, Resettlement, Migration: Compelled Mobility in Past of Wollo Region (Ethiopia)]. *Afrikanskii Sbornik* [African Collection]. St. Petersburg: MAE RAN, 2017, pp. 326–336. (In Russian)

Teffera H. *Mine to Win*. Ethiopia: Eclipse Printing, 2016.

Submitted: 16.02.2022

Accepted: 28.03.2022

Published: 10.07.2022